

ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ

УДК 364-7

РОССИЙСКАЯ МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИЧЕСКИХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

М.В. Фирсов^{1,2}, И.Н. Галасюк¹, М.В. Мороз³, Е.В. Ходарина¹

¹Российский государственный социальный университет, г. Москва

²Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», г. Москва

³Тверской государственный университет, г. Тверь

Определены основные тенденции институционализации практики социальной работы в современных российских условиях, особенности ситуации перехода практики от социального патронажа к индивидуальной работе, определены проблемные области отечественной социальной работы в контексте дальнейшего оформления профессиональной деятельности.

***Ключевые слова:** социальная работа, социальный патронаж, технологии индивидуальной работы, десоветизация, социальная защита, социальное развитие.*

Социальная работа в России в 2016 г. отмечает свой определенный юбилей, *двадцать пять лет* она развивается как легитимная профессия, область познания и направление образования. Сегодня необходимо критическое осмысление ее места в контексте исторических общественных трансформаций, в системе социальных наук, помогающих профессий и пост-марксистской научной познавательной парадигмы.

В данной статье представлены подходы к особенностям институционализации профессиональной практики социальной работы в конце XX – начале XXI в. на этапе оформления российской модели социального государства.

В настоящее время в Российской Федерации намечается отход от технологий социального патронажа и переход к технологиям индивидуальной работы, основанных на запросах клиентов. Концепты тотального социального патронажа с идеологемами общественного контракта становятся неэффективными не только в зарубежной, но и в российской практике помощи.

Модели отечественного государственного патернализма, где реципрокные отношения, строящиеся на принципах архетипических конструкторов по типу «ты – мне, а я тебе», как показала предшествующая практика, не являются результативными в условиях либеральной экономики и транзитивного общества. Это наглядно

подтверждают нескончаемые реформы социальной сферы и перманентные изменения в стандартах социального обслуживания, которые всегда не успевают за изменяющимися социально-экономическими реалиями российского общества.

Как нам представляется, причины этого кризиса лежат в изменениях исторического контекста, который сформировался за последние десятилетия. Возможно, что заканчивается процесс десоветизации: осуществление перехода всех сфер общественной и социально-политической жизни на рельсы «капиталистических отношений» в контексте российского варианта социального государства.

Практика социальной работы в условиях транзитивного российского общества

Формирование российской государственности в конце XX в. было связано с процессами разрушения советского государства, его идеологических институтов и классовой структуры общества, которые связывают с процессами *десоветизации*. В данном случае можно говорить о процессе рубежа XX – XXI вв., когда новые правящие элиты на основе политических идеологем и рыночных механизмов изменяли вектор развития государства.

Подобная историческая ситуация наблюдалась в начале XX в., в период оформления общества на основе социалистических ценностей и моделей экономического воспроизводства, в основе которых лежали принципы общественной собственности. В тот период правящие элиты осуществляли процесс *деимпериализации*.

Трансформация советской модели государства в конце XX столетия осуществлялась через организацию различных процессов, среди которых можно выделить 1) разрушение классовой структуры общества, через политические и рыночные институты; 2) демонтаж модели социалистических коллективных гарантий, переход к системе стандартизации социальных программ на основе удовлетворения индивидуальных минимальных потребностей; 3) воспроизводство системы институционального контроля производительных и непроизводительных классов, и ряд других управленческих решений, которые были вызваны текущими историческими условиями.

Процесс десоветизации, реализуемый с начала 90-х гг., был связан с разрушением практически всех институтов жизнедеятельности советского человека, поскольку они были прежде всего институтами политической социализации на протяжении всей его жизни, от «рождения до смерти». И система социального обеспечения трудящихся в этой связи не была исключением, поскольку она была составной частью политической системы советского государства.

Трансформация советских учреждений социального обеспечения в 90-х гг. в Российской Федерации отличалась от упразднения советской

властью имперских благотворительных обществ в начале XX столетия [4]. Однако их сближают, по нашему мнению, векторы ориентиров, которые были направлены на идеологемы западных моделей общественного благополучия. И если в первом случае советские элиты ориентировались на западные мифологемы коммунизма, «коллективного счастья», то в конце XX в. демократическим элитам были близки мифологемы социального государства, с философами индивидуализма и индивидуального благополучия человека.

При всем многообразии выбора путей строительства «нового общества» у российских «демократических архитекторов» было достаточно ограниченное число вариантов. Как считал французский философ М. Фуко, по характеру того, как общества «избавляются от своих мертвецов» и «живых сограждан», их можно классифицировать на общества «бойни и ритуальных убийств, общества ссылки, общества реабилитации и общества заключения» [1, с. 10].

Правящие элиты в России в исторической ретроспективе XX в. практически проработали все формы общественной организации по типологии М. Фуко от «бойни и ритуальных убийств» до «ссылки и обществ заключения». Полученный исторический опыт привнес своеобразные коды в коллективное бессознательное советского общества. Сформировав определенные страхи, установки на действия правящих элит, все это было запечатлено в исторической памяти советских людей. Это наглядно было доказано в августе 1991 г., во время событий ГКЧП, когда коллективная историческая память, наряду с другими причинами, позволила объединиться разрозненным народным массам с различным идеологическим мировоззрением против организаторов путча, не предоставив им возможности для реализации ушедшим во времени историческим общественным сценариям.

С другой стороны, самоорганизованный протест можно считать своеобразным «меседжем» будущим правящим элитам, в каком направлении осуществлять «строительство» постсоветского общества.

Из всех сценариев наиболее адекватным был сценарий «общества реабилитации», или возрождения, отдельные элементы которого «проявились» в период хрущевской оттепели. Идеологемы этого общественного сценария были близки населению независимо от социальной стратификации, они были понятны мировому сообществу, сценарий «общества реабилитации» вписывался в траектории развития моделей социального государства как европейского, так и англосаксонского направлений капиталистических демократий.

Новые правящие элиты в подходах к десоветизации и строительству «общества реабилитации» реализовывали как либеральные стратегии, так и стратегии, которые шведский социолог Г. Эспинг-Андерсен обозначил как стратегии «социалистического

гетто», разрушая сложившиеся общественные советские страты в контексте рыночных преобразований.

Если первая стратегия, либеральная, была направлена на производительные классы, которые попадали под контроль власти и стихию институтов рынка, регулирующих их жизнедеятельность, то вторая стратегия была направлена на непроизводительные классы. Согласно Г. Эспингу-Андерсену, они представляли «большинство населения – "маленькие люди", для которых даже скромное пособие может рассматриваться подходящим» [11, р. 35], реализация данной стратегии осуществлялась через государственные институты социальной сферы.

«Большинство населения» в западных социальных государствах было представлено средним классом, в России в 90-х гг. «большинство населения» было представлено непроизводительными классами, к которым относились пожилые, люди с ограниченными возможностями, имеющие физические, умственные, сенсорные, психические особенности, их семьи, а также дети и молодежь.

Стратегии социального контроля в изменяющемся обществе: от моделей социальной защиты к социальному развитию

Формирование новой общественной стратификации через систему рыночных институтов и институтов социальной защиты, выполнявших роль социального контроля, – таковы были стратегии формирования демократическими элитами «общества реабилитации» в 90-х гг. XX столетия.

В мировой истории это была достаточно распространенная и опробованная версия государственного управления, когда правящая власть использовала «инструменты помощи» для реализации своих политических задач, осуществляя контроль над проблемными историческими слоями социальной общности.

Можно наблюдать такую ситуацию во Франции в начале XX в., когда под тотальный контроль попадали работающие женщины на заводах и фабриках [10, р. 19], именно там власти организовывали социально-медицинскую работу, подавляя очаги распространения туберкулеза и венерических болезней среди населения после Первой мировой войны.

Активная фаза профессионализации социальной работы в США совпадает с контролем власти над десятками тысяч семей прибывающих в страну иммигрантов [8].

Помощь и поддержка всех сословий и вероисповеданий «используется» как механизм управления населением в период Веймарской республики в Германии и достигнет своего апогея в качестве тотального института контроля на национальном уровне в фашистской Германии, принимая формы социальной расовой работы [13].

Можно отметить, что в западной научной литературе нет однозначных подходов к тому, является ли профессионализация социальной работы формой контроля, «врагом перемен, а не его знаменосцем», или она наиболее адекватная форма решения социальных проблем в демократическом обществе на этапе исторических изменений [5; 6].

Однако, как показывает историческая практика, во всех случаях правящие элиты к процессам стабилизации общественных отношений подключали активные слои женского населения либо через феминистские благотворительные организации, либо через профессиональную организацию женщин.

Так было в начале XX в. во Франции: через объединения феминистских организаций католического социал-феминизма и синдикалистского феминизма правящими элитами была организована помощь работающим женщинам. Активизация ситуации произошла тогда, когда прибыла помощь «извне», в виде американской миссии Рокфеллера [10, р. 19].

В США наблюдался рост женской профессионализации в эпоху «прогрессивной эры», через благотворительные организации, не последнюю роль здесь сыграло государство. Например, если в профессиональной школе в Нью-Йорке в 1898 г. (будущий факультет социальной работы Колумбийского университета) обучалось 27 женщин, то в 1910 г. – 290 [12, р. 490].

В Российской Федерации можно наблюдать аналогичную тенденцию в конце XX в., только институционализация социальной работы на уровне практики была обусловлена массовой женской безработицей. Сокращенные на производстве, женщины без профессионального образования включались в процесс организации системы социальной защиты, реализации программ помощи населению.

Тем не менее, можно отметить, что на протяжении десятилетий в Российской Федерации выстраивались механизмы управления непроизводительными классами через систему социальной защиты и многоуровневого образования, на основе менеджеристских подходов.

И если социальная защита через профессиональный корпус социальных работников и разветвленную сеть институтов поддержки управляла настроениями электората, пенсионеров, демографического большинства, то система образования на основе мифологем «Болонского процесса» воспроизводила новых архитекторов социального государства – будущих юристов, экономистов, психологов, готовых противодействовать различным формам «асоциальности» и «нерыночным» формам производственных отношений.

Профессионалы в области психологи, взявшие на себя функции «мягкой силы», вместо психиатрических лечебниц советского типа

стали выполнять функции клиники и терапии, противодействуя проявлениям негативной социализации производительных и непроизводительных классов. В «обществе реабилитации» они стали той же неотъемлемой частью контроля коллективного и индивидуального сценария жизнедеятельности человека, заменив производственные и партийные собрания советского времени.

Скорее всего, неслучайно, что юристы, экономисты, психологи стали самыми массовыми профессиями в российском обществе и воспроизводились как государственным, так и негосударственным сектором образования. Так, например, на сайте Статистики Российского образования отмечено, что в 1991 г. на первом курсе высших учебных заведений обучалось студентов по экономическим и юридическим специальностям 198 тыс., а в 2004 г. их численность уже составляла 941,6 тыс. человек, и это в условиях «демографической ямы», снижения уровня рождаемости среди населения.

Можно сравнить, что подготовка кадров для образования в 1991 г. составляла 825,9 тыс. человек, а в 2004 г. она снизилась до 303,6 тыс. человек [2]. Эти цифры свидетельствуют, что роль контроля над обществом перешла в «другие руки», в соответствии со стратегиями и идеологемами новых правящих элит.

Процессами десоветизации в системе социальной защиты были охвачены большие массы людей, поэтому технологии социального патронажа были теми коллективными формами управления, которые позволяли управлять широкими «слоями субпролетариата» на основе их базовых потребностей, а также потребностей правящих элит в формировании сообщества россиян как антитезы сообществу советских людей.

Нечто подобное наблюдалось в американском обществе в начале XX в., когда система социальной защиты была направлена не столько на ликвидацию бедности, сколько «американизацию» прибывших со всех стран мира иммигрантов. Изучая мировую систему образования в области социальной работы, немецкая исследовательница А. Соломон писала, «адаптация иммигрантов к американским идеалам здоровья... адаптация к новым требованиям достойной жизни и гражданства» [7, р. 133] были теми важнейшими идеологемами, которые лежали в основе модели социального патронажа. «Американизация» была идеологемой всех форм социального патронажа начала века в США.

«Десоветизация» как идеологема рыночного правопорядка реализовывалась в конце XX в. через различные механизмы трансформации советского общества, в том числе и через федеральную систему социальной защиты, сменившую советскую территориальную, республиканскую, систему социального обеспечения.

Однако по мере оформления российской модели социального государства, формирования нового сообщества централизованная

система социальной защиты становилась все менее эффективной. Этому, как нам представляется, могли служить следующие основные причины.

Рыночные институты изменили социальные условия жизнедеятельности российского человека. Равенство в бедности достаточно большого класса трудящихся в советское время сменилось дифференцированной системой потребления как на уровне отдельных территорий, так и на уровне отдельных семей в период демократических преобразований. «Воспроизводство новых непродуцируемых классов» в период рыночных реформ предшествующих десятилетий происходило на основе расслоения населения, дифференцированного потребления, в соответствии с оформляющейся общественной стратификацией, поэтому в начале нового столетия социальное обеспечение по остаточному принципу больше не удовлетворяло «широкие слои» новых непродуцируемых классов.

Данная историческая ситуация подтолкнула правящие элиты осуществить реформирование системы социальной защиты, перейти с федерального уровня на региональный уровень помощи, чтобы адекватно реагировать на запросы групп клиентов.

Изменялась идеологема помощи, с «защиты» на «социальное развитие», осуществлялось перераспределение управленческих государственных функций, повышалась ответственность власти на местах за проведение текущей социальной политики, кроме того, эта модель позволяла снимать нагрузку на федеральный бюджет, в соответствии с экономической региональной и мировой ситуацией.

Идеологема социального развития включала многофакторный подход к трудной жизненной ситуации человека, где помощь со стороны государственного сектора должна была осуществляться на основе запроса потребителей услуг, исходя из его индивидуальных потребностей. Изменение характера помощи требовало не только коллективных мер поддержки, но и индивидуальных технологий социальной работы. Адресная система помощи, декларированная в модели коллективного патронажа, становилась все больше абстракцией, чем принципом действий, что требовало своих изменений. С другой стороны, на поле профессиональной помощи стали появляться другие исторические акторы, кроме государства, такие, как религиозные организации, НКО, которые не имели в своем активе «механизмов налоговых отчислений». Включаясь в конкурентную борьбу за «потребителя социальных услуг», они постепенно стали занимать те ниши помощи, где государственные учреждения оказались недостаточно эффективными. Это такие сферы деятельности, как индивидуальная помощь маргинальным слоям населения, асоциальным, бездомным, мигрантам, тем группам риска, которые воспроизводил или привлекал в качестве трудовых ресурсов свободный рынок.

Складывающаяся практика в деле помощи нуждающимся в религиозных организациях и НКО вскрывала противоречия теории и практики отечественной социальной работы. Эти противоречия проявлялись в том, что государственные институты, осуществляя коллективные формы социальной поддержки, не в состоянии были удовлетворять индивидуальные запросы человека, в различных формах индивидуального благополучия [3, с. 10], тем самым заявленные приоритеты в государственной помощи не находили своей реализации.

Между тем, намечались тенденции критического осмысления западных моделей социального патронажа, которые были «инкорпорированы» в систему социальной защиты на ранних ее этапах, к складывающимся отечественным социально-политическим реалиям, что требовало переосмысления технологического контекста, доминирующего в последние десятилетия.

Таким образом, исторический социальный контекст определял новые тенденции в практике помощи и модели их осмысления в начале нового столетия, что влияло на изменение дискурсов теории познания социальной работы.

Список литературы

1. Капитализм и лишение свободы // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избр. полит. ст., выст. и интервью. М., Праксис, 2005. Ч. 2. С. 5–10.
2. Статистика Российского Образования. URL: <http://stat.edu.ru/stat/vis.shtml>
3. Тёррёнен М. Социально-экономическое благополучие финских семей с маленькими детьми: экономическое измерение реципрокности // Журн. социологии и социальной антропологии. СПб., 2015. Т. 18, №5(82) С. 8–26.
4. Фирсов М.В. История социальной работы, М.: Кнорус, 2016. 400 с.
5. Adams G. Enthralled with modernity: The historical context of knowledge and theory development in public administration. // Public Administration review, 1992. V. 52(4), p. 363–373.
6. Agnew E. From charity to social work: mary e. richmond and the creation of an American profession. Urbana: University of Illinois Press, 2004. 288 p.
7. Salomon A. Education for Social Work / сост. и науч. ред. З.Х. Саралиева. Вып. 8. Н. Новгород:Изд-во НИСОЦ, 2013 С. 133
8. Axin J., Stern M. Social Welfare. A History of the American Response to Need. Allyn and Bacon. Boston, 2001. 355 p.
9. Cristina De Robertis. Methodologie de l'intervention en travail social. Paris: Bayard, 2007, 399 p.
10. Esping-Andersen G. The three worlds of welfare capitalism, 1990 by Princeton University Press, 245 p.

11. Schachter H. The Two Faces of Progressive-Era Profession. // Administrative Theory & Praxis. 2014, V. 36, № 4. p. 721–738.
12. Muller W. Wie Helfen zum Befrur wurde Eine Methodengeschichte der Sozialen Arbeit. Juventa, 2006, 336 p.

THE RUSSIAN MODEL OF SOCIAL WORK IN THE CONTEXT OF HISTORIC SOCIAL TRANSFORMATIONS

^{1,2} M.V. Firsov, ¹I.N. Galasyuk, ³M.V. Moroz, ¹E.V.Hodarina

¹Russian State Social University, Moscow

²Natsionalny Research Nuclear University «MEPhI», Moscow

³Tver State University

The paper presents the main trends of institutionalization of social work practice in modern Russian conditions. The features of the situation of transition the practice of social patronage to individual work and the problem areas of domestic social work in the context of the further processing of professional activity are identified.

Keywords: *social work, social patronage, de-Sovietization, social policy, social education, social worker.*

Об авторах:

ФИРСОВ Михаил Васильевич – доктор исторических наук, директор Научно-образовательного центра трансверсальной и кросскультурной социальной работы Российского государственного социального университета, профессор Национального исследовательского ядерного университета «МИФИ» (129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр.1), e-mail: mihail_firsov@mail.ru

ГАЛАСЮК Ирина Николаевна – кандидат психологических наук, доцент, ведущий специалист Научно-образовательного центра трансверсальной и кросскультурной социальной работы факультета социальной работы Российского государственного социального университета (129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр.1) e-mail: igalas64@gmail.ru

МОРОЗ Мария Владимировна – кандидат психологических наук, доцент кафедры «Социальная работа и педагогика» ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33), e-mail: moroz_maria@mail.ru

ХОДАРИНА Екатерина Владимировна – главный специалист Научно-образовательного центра трансверсальной и кросскультурной социальной работы Российского государственного социального университета, e-mail: ekaterinakhodarina@gmail.com